

Т Ольга
Покровская

Татьяна Ольга Покровская

Останься со мной!

Роман

Москва 2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П48

Художественное оформление серии
Д. Сазонова

Покровская, Ольга.
П48 **Останься со мной! : роман / Ольга Покровская. —**
Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Еще раз
про любовь. Романы Т. Алюшиной и О. Покровской).

ISBN 978-5-699-86960-2

Таинственная певица с экзотическим именем Айла буквально создана, чтобы разбивать мужские сердца. Но даже самым проницательным из мужчин трудно догадаться, что сцена — всего лишь прикрытие, на самом деле Алина выполняет сложную работу для правительства. Она ловко справляется с самыми опасными заданиями, пока... не влюбляется в главного подозреваемого по делу, связанному с деятельностью арабской террористической организации.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-699-86960-2

© Покровская О., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Да, я — Ибрагим.

В любом месте Ибрагим будет чужим. Не принятым ни в одном уголке света. Изгнанным из рая пророком любой религии. Горящим в собственном аду. Лишенным спокойного сна...

Я — вечный скиталец Ибрагим.

Сначала по экрану пошли серые помехи, затем что-то щелкнуло и начался видеоролик. В кадре возник мужчина в военной форме, по самые глаза замотанный в черно-белую арафатку. Хотя на самом деле пол говорящего, равно как возраст и национальную принадлежность, можно было определить чисто условно. Белая с черным арафатка полностью скрывала его лицо, в узкой щели разглядеть можно было лишь блестящие воодушевлением глаза и тонкую переносицу. Даже цвет глаз этого человека оставался под вопросом. Качество видео было плохим, камера дрожала, цветопередача явно оставляла желать лучшего — что, несомненно, сделано было нарочно. Поэтому ясно было лишь то, что глаза у человека темные. А черные они, серые или карие — непонятно.

Мужчина заговорил: голос звучал странно, как будто надтреснуто, механически. Очевидно, голос тоже нарочно изменили.

— Международная организация «Камаль», — произнес мужчина по-арабски, — является крупнейшим исламским

объединением в современном мире. Наша цель — восстановление Османского халифата, создание единого исламского государства, сильного и могущественного. Наш долг — не щадя жизни, бороться с неверными, уничтожать враждебные нам режимы, стирать с лица земли стоящие на нашем пути государства! Численность наших братьев составляет 200 тысяч человек, и каждый день к нам присоединяются новые и новые члены нашего братства.

Закутанный в платок человек пропал с экрана, но голос его остался. Потянулись кадры хроники, сопровождаемые комментариями. На экране люди в военной форме, с прикрытыми темными повязками с прорезями для глаз лицами, тащили куда-то ящики с оружием. В кадре мелькали контейнеры с пулеметами, гранатами, на заднем плане высвечивались под южным солнцем пыльные бока бэтэ-эров.

— Мы располагаем тяжелым вооружением, — продолжал голос. — Все оружие, которое страны, являющиеся нашими врагами, производят, чтобы уничтожить нас, с помощью колоссальной тайной сети наших сторонников попадает к нам в руки. Мы ежедневно получаем поставки из США, России, Израиля, Канады...

Кадры на экране сменились.

Теперь там появилась оживленная улица европейского города. Люди спешили по своим делам, заходили в магазины, останавливались, чтобы купить мороженое с лотка. Внезапно раздался взрыв, взвилось в воздух рыжее пламя, повалил черный густой маслянистый дым! Кругом закричали, побежали... Кто-то, прихрамывая, пытался оттащить от эпицентра огня залитое кровью развороченное тело женщины. Кто-то горячечно орал в мобильник, пытаясь вызвать «Скорую»...

— Бороться с нами бесполезно, — продолжал между тем бесцветный голос. — Мы — везде. Ваш улыбчивый сосед по лестничной площадке — наш человек, ваш босс на

работе присягнул нам на верность, продавец из магазина под домом — наш брат во исламе.

Кадры снова сменились.

На этот раз на экране пронеслась хроника крупного теракта, произошедшего пару месяцев назад в многоэтажном здании бизнес-центра в Париже. Теракт унес несколько десятков жизней и нагнал ужас на жителей города.

— Мир тем, кто идет по прямому пути, а несправедливость карается Аллахом. Все, кто притесняет нас, будут уничтожены. Правительства Америки, России, Евросоюз и НАТО будут сметены с лица земли, угнетенный отомстит притеснителю. Ваш единственный выход — подчиниться нам, примкнуть к нашим рядам, стать нашими братьями, иначе мы принесем вам ужас, боль и смерть.

На экране снова появился мужчина в оливковой военной форме и платке. Он пронзительно посмотрел в камеру и произнес:

— Это говорю вам я, Эмир Единого Османского Халифата и руководитель величайшей исламской международной организации «Камаль». Помните, что сказано в Коране: «Скажи неверующим, что если они прекратят, то им будет прощено то, что было в прошлом. Но если они возвратятся к неверию, то ведь были уже примеры первых поколений». Аллах акбар!

Камера выключилась, и по экрану снова побежали серо-белые дергающиеся помехи.

Самолет совершил посадку точно по расписанию.

Я вышла из салона и сразу же, еще в аэропорту, всей душой ощутила, что вернулась в один из самых своих любимых городов.

Когда я приезжаю сюда, сердце мое каждый раз начинает стучать все быстрее и быстрее и появляется чувство, будто вот-вот что-то важное должно произойти в моей жизни!

Стамбул.

Как можно рассказать об этом городе тому, кто здесь никогда не бывал? Даже в тысячный раз посещая его, приезжая в это удивительное место, в котором как будто бы растворились прошлые столетия, в котором так много всего, чего нам теперь не понять, — поражаешься заново. Мне до сих пор, как маленькой девочке, кажется, что вот-вот откуда-либо появится кортеж с Валидэ-султан или великим визирем, прекрасные шелка и великолепные короны засияют на солнце...

Однако прямо сейчас передо мной были все еще не живописные кварталы этого вечного города, а светлые помещения аэропорта, наводненные снующими во все стороны людьми. Туристами, таксистами, командированными, улетающими и встречающими. Пестрая толпа, разноязыкая речь, шум, гам, суета...

По роду занятий мне пришлось в жизни заниматься изучением разных восточных диалектов. И османский диалект турецкого языка всегда был моим любимым. Этакий ребус, который интересно разгадывать.

«Душа души моей, мой повелитель, привет тому, кто поднимает утренний ветерок, молитва к тому, кто дарует сладость устам влюбленных, хвала тому, кто наполняет жаром голос возлюбленных, почтение тому, кто обжигает, точно слова страсти. О Аллах, Аллах, твой клич услышан на небе, его величеству моему падишаху, и да поможет ему бог!»

Огромный Ататюрк — великолепный аэропорт, который был построен еще лет двадцать назад, за эти годы, что меня здесь не было, вырос и встретил меня гостеприимно.

Настроение у меня было приподнятым, и даже горланящие таксисты его не испортили. Почему-то я опять чувствовала себя как дома.

Естественно, все эти таксисты, водители автобусов, китайские, японские и разные другие туристы не имели ко

мне никакого отношения. Меня встречала небольшая кучка журналистов — человек двадцать, которые немедленно начали тыкать мне в лицо вспышками. Кроме них присутствовал еще целый кортеж охраны, выделенный мне российским посольством. Я прошествовала по отдельному коридору, держась в самой середине, за мной следовала моя команда. А в самом конце процессии тащились осветитель, звукооператор, барабанщик, усталые, унылые, не выпившие, потому что теперь на рейсах «Пегас Эйрлайнс» курить и пить нельзя.

Пройдя все необходимые и утомительные процедуры, улыбнувшись пару раз в камеры, я утомленно погрузилась в просторный черный лимузин и поехала в новый старый мир.

Мы проезжали по оживленным стамбульским улицам, и я, хотя далеко и не впервые видела все это, наслаждалась видом из окна.

У меня всегда возникало какое-то странное ощущение, когда я попадала в оживленные кварталы Кадеке, азиатской части города. Эта азиатская часть Стамбула вызывала во мне какое-то умиление и чувство абсолютно домашней успокоенности и уюта. В тысячеликой, огромной, празднующейся, веселой, совсем не агрессивной толпе мне всегда хотелось потеряться, чтобы стать частью ее. Хотелось собирать эти дурацкие сувениры, хотелось почувствовать себя обыкновенным человеком, обыкновенной женщиной, которой нравится фоткаться возле быка или переезжать через великолепный отстроенный мост через Босфор — и чувствовать себя перелетной птицей, которой так легко можно пересечь границу между Европой и Азией.

Топ Капы.

Это великое строение Османской империи. Когда я видела его, вот как сейчас, например, из окна машины, мне иногда начинало казаться, что я рождена была не вовремя,

что моя душа перенеслась на пять веков вперед и переродилась в совершенно чуждой мне эпохе. Мне казалось, я знаю здесь каждый камень, каждый вздох, слышу шуршание платьев, слышу старый османский диалект, вижу потрясающе красивых людей...

Мы ехали все дальше по улицам Стамбула, и вот потянулись уже кварталы современного города — такого же, как тысячи других мегаполисов и столиц. Вокруг кишели тысячи спешащих куда-то прохожих.

Наконец водитель подъехал к роскошному входу отеля, где для меня забронирован был номер.

Я вышла из автомобиля, вдохнула жаркий стамбульский воздух, наполненный смесью ароматов солнца, моря, пряностей, бензина, фруктов и цветов. У меня даже голова закружилась от обилия ароматов!

А может, я просто устала с дороги.

В любом случае — до вечера у меня еще было время прийти в себя и собраться с мыслями.

Вечером из посольства за мной прислали машину. Как заботливо! Черный блестящий «Мерседес», могучий и плавный, словно крупное морское животное. Этакий тюлень или морской котик. Водитель в темной ливрее, молчаливый и услужливый — все как полагается.

Он распахнул передо мной заднюю дверь, и я села в салон автомобиля, тонко пахнущий дорогой мягкой кожей и ненавязчивой парфюмерной отдушкой. Здесь же, в салоне, обнаружили на откидном столике специально для меня сервированные шампанское и фрукты.

Весьма любезно. Только вот я никогда не ем и не пью перед выступлением.

Мои музыканты должны были прибыть в посольство отдельно. Я откинулась на спинку сиденья и рассеянно смотрела в окно автомобиля на проносившийся передо мной уже окутанный ночной дымкой удивительный город.

Я снова любовалась Стамбулом. На этот раз — вечером.

Здесь, как нигде, чувствовалась огромная разница между нищетой и богатством, между успехом и бедностью. Пожалуй, нет в мире больше ни одного города, где так ярко контрастировала бы жажда власти, денег и в то же время крепкая вера, пятнадцатичасовый азан. Я видела в окно людей, расположившихся на пятничную молитву. Женщин в хиджабах, вокруг которых бегали маленькие дети...

По всему городу в темном ночном мареве виднелись ярко подсвеченные мечети — от новых до самых древних, насчитывающих со дня основания более семисот лет. И освещение у каждой было свое — где розовое, где голубое, где зеленое.

На одной из площадей я рассмотрела подсвеченную яркими лампочками собственную афишу. На ней крупными буквами по-турецки выведено было: «АЙЛА». А далее, чуть более мелким шрифтом, перечисление регалий — лауреат международных музыкальных фестивалей, обладатель премии MTV, специальный приз за саундтрек к голливудскому блокбастеру и прочая, и прочая. И фотография — властное, строгое лицо, скулы, подчеркнутые ретушью, губы крупные, но линия их слишком тверда, чтобы назвать этот рот чувственным, пристальный, глубокий взгляд из-под легкомысленно взлетающих вверх бровей — взгляд, исполненный затаенной боли. Длинные русые волосы плавными волнами спадают на плечи, смягчая общую драматичность и горечь образа...

«Приказано — забыть», — крупно было выписано под фотографией название концертной программы и заглавной песни.

Дизайнеры постарались на славу.

Если составлять обо мне представление только по этой афише — я выходила властной и жаждущей подчинения, сильной и подчеркнута женственной, стойкой и хрупкой,

легкомысленной и глубокой натурой одновременно. Отличный многогранный образ — то, что нужно для этой концертной программы.

Впрочем, даже если бы афиша и показалась мне неудачной — давно прошли те времена, когда я стала бы из-за этого переживать. Я давно уже убедилась, что каково бы ни было первое впечатление обо мне, я всегда смогу по собственной воле сломать его, перевернуть с ног на голову и заставить человека, зрителя, поверить в то, что я именно такова, какой хочу казаться!

По дороге в посольство мне встретилось еще несколько моих афиш. Прекрасно, значит, пиар-отдел работает превосходно. Все билеты, разумеется, давно проданы, разве что перекупщики кое-что придержали, чтобы загнать втридорога в последний день.

Ну, это все уже не моя забота.

Автомобиль затормозил у ворот посольства, перед пропускным пунктом. Водитель, опустив стекло, показал что-то охраннику. Тот, наклонившись к окну, окинул салон автомобиля цепким взглядом.

Я подняла голову и равнодушно глянула ему в глаза, демонстрируя собственное лицо. Пусть убедится, что это именно я — Айла, прибывшая на гастроли знаменитость, певица с необычным бархатно-низким тембром, а не какой-нибудь злоумышленник, стремящийся проникнуть на территорию российского посольства в Турции, чтобы разведать тайны местного закулисья.

На входе в посольство снова ждала охрана. Мне пришлось даже пройти через рамку. Разумеется, устройство не подало никаких признаков волнения. А я мило улыбнулась молодым солдатикам на входе:

— Не беспокойтесь, мальчики, у меня при себе никакого оружия. Я убиваю голосом и взглядом.

Надо поддерживать имидж. Уверенная в себе, загадоч-

ная, раскрученная певица, избалованная, кокетливая, слегка таинственная, слегка распутная...

И, разумеется, небольшого ума.

Солдатики ожидаемо восторженно отреагировали на мою маленькую провокацию, смущенно разулыбались и пропустили меня внутрь.

Я ступила на широкую, плавно сбегавшую вниз лестницу и мельком оценила свое отражение в зеркальной панели сбоку.

Серебристо-черное тончайшее платье струилось вниз по ногам. Украшений было немного — зато самые дорогие и изысканные. Тщательно выверенный образ, ничего лишнего.

На середине лестницы гостей встречали посол с супругой.

Посол Дмитрий Иванович Киселев — среднего роста, широкоплечий, седой, с приклеенной к лицу одинаковой для всех доброжелательной улыбкой. «Послица» — этакая кавалер-дама с бульдожьей челюстью, с бриллиантовым колье на увядшей шее.

— Добрый вечер, дорогая Айла. — Посол пожал мне руку. Этак крепко, по-товарищески. Значит, несмотря на службу в восточной стране, подчеркивал либерально-европейские взгляды, придерживался идей эмансипации, боялся показаться шовинистом-домостроевцем.

Нужно запомнить.

— Мы рады приветствовать вас на территории России в Турецкой Республике¹! Для нас большая честь принимать здесь нашу знаменитую соотечественницу.

И прочие, соответствующие случаю любезности...

— Благодарю, — ослепительно улыбнулась я. — Я от души надеюсь, что мои гастроли пройдут в этом благодат-

¹ Посольство в любой стране — территория той страны, которую оно представляет, следовательно, посольство России в Турции — территория России. — *Прим. ред.*

ном краю прекрасно. Это уже не первое мое выступление в Турции, но то, что в этот раз мои гастроли начинаются с выступления на территории российского посольства, для меня большая честь.

Парадный вход наводнили приглашенные. Мужчины в костюмах — глаза резало от такого количества белых рубашек. Женщины в вечерних платьях. Белозубые улыбки, блестящие украшения. Часть дам, вероятно из местной элиты, были в закрытых под горло платьях с длинными рукавами, однако не менее роскошных, чем европейские. Мелькали в толпе и хиджабы — авторские работы крупнейших мастеров в мире высокой моды. Этакая смесь европейского шика и восточных традиций, изысканное блюдо с острыми пахучими приправами. Поодаль, по углам помещения, маячили изо всех сил старавшиеся казаться незаметными многочисленные охранники...

Ко мне подошел атташе по культуре Завьялов. С ним мы были уже знакомы, именно с Завьяловым согласовывались мои гастроли. Юрий Афанасьевич, слегка манерный и старательно подчеркивающий свою интеллигентность и высокую культуру мужчина, в костюме с серебристой искрой, с красивыми, волнами зачесанными назад благообразными сединами, подхватил меня под руку.

— Как приятно видеть вас снова, несравненная Айла, — мужчина так и сочился любезностью.

— Это вы несравненный... льстец, Юрий Афанасьевич, — улынулась я.

— Вы со всеми уже успели перезнакомиться?

— Увы, нет, я только приехала.

— Позвольте, я расскажу вам немного о гостях.

Мы поднялись по лестнице и остановились на опоясывающей холл балюстраде. Отсюда открывался отличный вид на всех, входящих в здание посольства.

Завьялов отловил официанта и утянул с его подноса два бокала шампанского — для себя и для меня. Поблагодарив,

я взяла бокал за тонкую ножку и сделала вид, что пригубила напиток. Не стоило посвящать услужливого атташе в мои правила, проще проявить соответствующую случаю любезность.

— Вот, посмотрите, — горячо зашептал мне в ухо Юрий Афанасьевич, мой персональный Коровьев на этом странном балу, — вон та дама в красном — супруга господина советника Светина. А вот и консул, Виктор Григорьевич Саенко.

Консул поднимался по лестнице прямо к нам. Отчего-то он напомнил мне Джона Кеннеди — такое же на первый взгляд свойское дружелюбное лицо, обладатель которого словно всем своим видом подчеркивал: я простой парень, такой же, как вы. Широкая улыбка, от которой в уголках глаз консула образовывались мелкие лучики-морщинки. Зачесанные чубом на лоб чуть рыжеватые волосы.

— Юрий Афанасьевич, представьте меня вашей спутнице! — поравнявшись с нами, потребовал консул.

— Разумеется. Это наша гостья, непревзойденная исполнительница Айла. Открою вам небольшой секрет, Виктор Григорьевич: сегодня нам несказанно повезет услышать ее незабываемое пение!

— Не может быть! А мне-то всегда казалось, что приемы в посольстве так скучны! Сплошные обсуждения текущей политической ситуации и экономического положения, — разулыбался мне консул.

— Ох, надеюсь, сегодня у вас здесь будут и другие темы для разговора, — отозвалась я. — Каюсь, я совершенно аполитична. Что же до экономической обстановки... поверьте ли, Виктор Григорьевич, в школе я еле-еле вытягивала тройку по экономике: никак не могла понять, к стыду своему, почему для того, чтобы все жили хорошо, нельзя попросту печатать больше денежных купюр.

— Ей-богу, я и сам до конца этого не понял, — шепнул мне консул. — Только никому не говорите, не поверят!